

— Старший брат Сунцзин, я тоже хочу пойти с Ли Сяохо, — негромко попросил Минну.

Сунцзин удивлённо приподнял бровь:

— Поставить вас вдвоём? Помнится, в прошлый раз... Нет, я как-то не уверен.

— Старший брат Сунцзин, мы обещаем, что теперь не станем своевольничать, — поспешил заверить его Минну.

Ли Сяохо, стоявший чуть поодаль, едва заметно кивнул в знак согласия.

— Сегодня ночью нам нужно проверить три места: задний двор, покои господина и госпожи Чжэн, а также обитель их сына, — продолжил Сунцзин. — Я возьму на себя задний двор, Цзинь Линсянь отправится к старшим Чжэнам, а вы вчетвером займётесь молодым господином. Что скажете?

Такой расклад устраивал всех — по крайней мере, они оставались вместе.

— У меня возражений нет, — отозвался Мэй Ханьцзюэ. — Как скажешь, старший брат, так и сделаем.

Минну подумал, что если в процессе они разделятся, то это даже сыграет им на руку.

— Я тоже согласен, — тихо добавил он.

Ли Сяохо и Цзянь Сюэхэ промолчали, что Сунцзин расценил как знак согласия.

— Ночью действуйте по обстоятельствам, но держитесь вместе и приглядывайте друг за другом. — Наставляя их, Сунцзин помрачнел: — Если что-то пойдёт не так, сразу давайте знать. В случае крайней опасности без раздумий разбивайте жетоны учеников. Помните: испытание можно пройти заново, а жизнь у вас всего одна.

Минну молча дожевывал сладость. Остальные тоже не спешили с ответом.

— Конечно, старший брат, — мягко улыбнулся Мэй Ханьцзюэ. — Мы всё прекрасно понимаем.

Сунцзин вздохнул, по их лицам видя, что наставления пролетели мимо ушей. Ни один из этих четверых не принял его предостережение всерьёз — ради выполнения задачи каждый был готов лезть на рожон. И видит небо, неизвестно, к добру ли это упрямство.

— Да уж, ну и компашка... — только и покачал он головой.

Снизу, из залы постоянного двора, доносились неспешные переливы циня. Мелодия лениво плыла сквозь гул весёлых голосов, звон чарок и раскатистый смех хмельных гостей.

Через распахнутое окно виден был весь город Колокола и Барабана. Вдалеке громоздилась Гора Колокола и Барабана, чьи склоны тонули в густом тумане. Дымка скрывала ночные звёзды, тяжёлым саваном опускаясь на рассыпанные внизу огоньки жилых домов.

Минну успел съесть лишь пару кусочков. Перед уходом он украдкой покосился на тарелку, но забрать остатки постеснялся.

Ли Сяохо, заметив этот тоскливый взгляд, молча достал промасленный бумажный пакет, аккуратно завернул сладости и спрятал за пазуху.

Спустившись в залу, Минну заозирался в поисках попутчика. Тот показался мгновением позже, держа под пазухой уже два свертка.

Минну уставился на него, силясь разглядеть лицо под жутковатой маской младенца-призрака. Ли Сяохо протянул ему кульки. Развернув бумагу, мальчик ахнул — внутри лежали нежные зеленые пирожные Зелень Цзиньлина.

Щёки Минну вспыхнули от радости. Он воровато глянул на Цзянь Сюэхэ, но тот, казалось, даже не смотрел в их сторону.

— Зачем ты их забрал? — шёпотом спросил Минну.

Ли Сяохо лишь слегка склонил голову набок. Он искренне не понимал, к чему этот вопрос, если тот сам глаз не мог отвести от тарелки.

— Тебе ведь понравилось, — глухо отозвался Ли Сяохо.

На душе у Минну потеплело. Теперь даже уродливая личина на лице спутника казалась не такой уж пугающей, а сам Ли Сяохо стремительно рос в его глазах.

— Ли Сяохо, а мы... теперь друзья? — робко спросил Минну. — У меня ведь никогда в жизни не было друзей.

Он говорил о сверстниках. Раньше, когда он был безобразен лицом и обделен талантом к самосовершенствованию, другие ученики шарахались от него как от чумы.

Ли Сяохо всегда считал слово «дружба» пустым звуком. Но, глядя на робкую надежду в глазах Цзянь Минну, он почувствовал, как это простое понятие вдруг обретает невидимый, но тяжёлый вес. Дашь согласие — и потом не оберёшься хлопот.

Впрочем, у него самого друзей тоже никогда не водилось.

Ли Сяохо взвесил все за и против. Разум твердил, что связываться не стоит, но язык уже выдал ответ сам по себе:

— Да.

Минну смущённо улыбнулся и тихо произнес:

— Значит, с этого дня мы настоящие друзья.

Мэй Ханьцзюэ не выдержал и негромко фыркнул, лукаво покосившись на молчаливого Цзянь Сюэхэ:

— Цзянь Сюэхэ, сдаётся мне, ты совсем не балуешь заботой своего младшего. У него, оказывается, и друзей-то отродясь не было, а старший брат ни сном ни духом.

Цзянь Сюэхэ безучастно скользнул взглядом по зажатому в руках Минну кулю со сладостями.

— Действительно, не знал, — сухо обронил он.

— Минну, давай я в следующий раз тоже принесу тебе лакомств? Как думаешь, мы поладим? — Глаза Мэй Ханьцзюэ лучились лукавством.

Минну лишь плотно сжал губы и ничего не ответил. Конечно же, нет. Они из слишком разных миров.

— Ладно вам, угомонитесь, — прервал их Сунцзин, оглянувшись у порога. — Поместье Чжэн таит немало загадок. Встретимся здесь же завтра на рассвете. И помните: в городе объявилась нечисть третьего ранга. Будьте предельно осторожны.

В мире совершенствующихся как люди, так и твари делились на девять рангов силы, но при равных ступенях скверна всегда оказывалась на порядок смертоноснее человека. Обычные послушники за всю жизнь не сталкивались ни с чем опаснее бродячих духов первого ранга да безликих мстительных призраков. Твари же третьей ступени уже обретали подобие человеческого облика и могли в одиночку истреблять целые поселения.

Ночь окончательно вступила в свои права, укутав поместье Чжэн зловещей тишиной. Сунцзин и Цзинь Линсянь разделились со своей группой. Четвёрка двинулась вглубь поместья: впереди бесшумно ступал Мэй Ханьцзюэ, за ним следовал Цзянь Сюэхэ, следом жался Минну, а замыкал шествие Ли Сяохо.

Обитель молодого господина Чжэна располагалась за главным залом. У дверей застыли слуги. Наблюдая за ними издалека, Минну почувствовал, как по спине пробежал холодок — с охранниками явно было что-то не так.

Они стояли неподвижно, низко опустив головы. Лица мертвенно-бледные, остекленевшие глаза неестественно выпучены — ни единого вдоха, ни малейшего движения.

Укрывшись за широкой колонной, Мэй Ханьцзюэ шепнул:

— Сюэхэ, каковы будут приказания?

Цзянь Сюэхэ окинул двор холодным взглядом:

— Слуги на тебе. Цзянь Минну отвлечёт внимание и постучит в дверь. Остальные заходят со мной.

Мэй Ханьцзюэ согласно кивнул, а Минну и Ли Сяохо молча приготовились действовать.

В длинной галерее не горело ни единого фонаря. Сад утонул во мраке, и лишь редкие блёклые лучи пробивались сквозь рваные тучи.

Мэй Ханьцзюэ коснулся рукояти меча. Из ножен бесшумно скользнули тончайшие серебряные нити. Перелетающими искрами они змеями поползли по земле мимо колонн прямо к порогу и обвили застывших стражей.

Стоило путам затянуться, как фигуры слуг подёрнулись дымкой и рассыпались белыми голубями, намертво стянутыми серебряной пряжей.

Спустя миг на плитах лежали лишь несколько птичьих тушек. Все они были окоченевшими, с вывалившимися мутными глазами — эти существа погибли задолго до их прихода.

Настал черёд Минну. Проходя мимо, он мельком взглянул на мёртвых птиц и тут же отвёл глаза. Его не покидало жуткое ощущение: эти остекленевшие зрачки один в один походили на глаза тех несчастных утопленниц, которых ему довелось повидать раньше.

Под карнизом сиротливо покачивался тусклый фонарь. Из-за тумана свет казался мутным, словно процеженным сквозь плотную кисею, и отбрасывал на стены длинные, ломаные тени.

Минну поправил висевший за спиной меч и крепче сжал в кулаке талисман, подаренный Ли Сяохо. Сделав глубокий вдох, он негромко постучал в деревянную створку.

Звук разорвал могильную тишину двора слишком резко. Никакого ответа не последовало. Мальчик уже занёс руку для нового удара, как вдруг дверь без единого скрипа распахнулась сама.

Внутри зияла крошечная тьма. Не раздавалось ни шагов, ни дыхания, но Минну испуганно отпрянул: прямо перед ним из темноты выплыло мертвенно-бледное лицо.

Это был молодой господин Чжэн.

В сером полумраке его кожа казалась присыпанной пеплом, а в пустых, остекленевших глазах затаился неестественный, мертвенный блеск. Тонкий, иссохший силуэт напоминал хрупкую бумажную куклу, готовую рассыпаться от малейшего дуновения.

— А, это ты, молодой господин... Зачем пожаловал в такой час? Кхе-кхе... — Чжэн Цюйин сипло закашлялся и покачнулся, отступая вглубь дома и освобождая проход. — Раз есть дело, заходи.

У Минну на лбу выступила холодная испарина. Ноги словно приросли к полу. Цзянь Сюэхэ велел лишь постучать, о том, что делать дальше, уговора не было.

Они рассчитывали выманить прислужника, но за дверью оказался сам хозяин усадьбы. Кто перед ним — живой человек или призрак? Стоит ли переступать порог?

За долю секунды Минну принял решение.

— Молодой господин, почему вы не спите в столь поздний час? — спросил он, переступая порог.

Стоило войти, как в лицо ударил ледяной сквозняк. Воздух в комнате разительно отличался от дневного — здесь веяло могильным холодом, будто в леднике.

Идущий впереди Чжэн Цюйин словно ничего не замечал. Минну обернулся, собираясь затворить дверь, и едва не вскрикнул: прямо на него смотрела жуткая маска младенца-призрака. Ли Сяохо, сжимая в зубах какой-то талисман, бесшумно проскользнул в дом следом за ним.

— Не спится что-то... Кхе-кхе... — сипло прохрипел хозяин. Жаровни в комнате никто не разжигал.

Призрачный лунный свет заливал убранство комнаты, и у Минну похолодело внутри.

«Это... покой покойника»

Кровать была застелена белым саваном, край бронзового зеркала повязан траурной лентой. Чайные чашки покрывал толстый слой пыли, а в курильнице давно истлели последние благовония... Чжэн Цюйин же продолжал надрывно кашлять, двигаясь при этом странно, дергано, точно марионетка на нитях.

Минну замер, сжав рукоять меча заледеневшими пальцами. Он не решался сделать и шага, боясь выдать себя необдуманным движением.

На потолочной балке промелькнула маска младенца-призрака — Ли Сяохо ловкой тенью взмыл под самую крышу. В то же мгновение бесшумно распахнулось окно, впуская в комнату двух ночных гостей.

Мэй Ханьцзюэ и Цзянь Сюэхэ скользнули внутрь один за другим. Но Чжэн Цюйин даже не обернулся. Он продолжал стоять спиной к Минну, заходясь в судорожном кашле.

— Кхе-кхе... Кха-кха...

Только Минну собрался подать голос, как хрип резко оборвался. Шея Чжэн Цюйиня вывернулась под неестественным углом. С головы до ног его окутала плотная черная дымка, сквозь которую проступили черты иссохшего, изуродованного трупа.

— Цзянь Минну, — негромко, но властно позвал Цзянь Сюэхэ. Его губы сжались в тонкую линию.

Мальчик мгновенно сориентировался и отпрянул назад. В то же мгновение свистящая полоса меча рассекла воздух, напрочь развеяв чёрное облако.

Лишившись поддержки темной энергии, тело Чжэн Цюйиня мешком рухнуло на пол.

С балки бесшумно спикировал Ли Сяохо. В его руке забился пойманный сгусток копошащейся тьмы, тщетно пытаясь вырваться на свободу.

— Днём за ним такого не водилось, — глухо заметил парень под маской.

Лежащий перед ними Чжэн Цюйин уже не дышал. Мэй Ханьцзюэ удивлённо приподнял бровь:

— Но ведь днём у него был пульс. Настоящий, живой человек... Что это за чёрная магия такая?

Он кончиком лезвия осторожно приподнял подол халата мертвеца. Под блёклым шелком, прямо на голени покойного, обнаружилось нечто ужасное — иссохшее, сморщенное человеческое лицо, сросшееся с живой плотью.

Минну присмотрелся. Лицо было искажено злобной гримасой и принадлежало, судя по тонким чертам, молодой женщине.

Цзянь Сюэхэ мельком взглянул на уродливый нарост, а затем перевёл взор на зажатую в кулаке Ли Сяохо тьму.

— Если поспешим, сможем выследить того, кто за этим стоит, — холодно произнёс он.

Минну понял, к чему клонит брат. Ему показалось, что из них двоих именно Цзянь Сюэхэ был самым безрассудным.

— Старший брат Сунцзин велел нам обыскать только этот двор, — возразил Минну. — Разумнее сначала всё здесь осмотреть, доложить ему и только потом принимать решение.

Цзянь Сюэхэ на секунду задумался, а затем равнодушно бросил:

— В таком случае ты остаёшься здесь и ждёшь Сунцзина.

Минну лишился дара речи.

Ли Сяохо разжал пальцы. Тёмный сгусток мгновенно взмыл вверх, выскользнул в открытое окно и устремился прочь.

— За ним, — скомандовал Ли Сяохо.

Белая фигура Цзянь Сюэхэ растаяла в воздухе. Мэй Ханьцзюэ, оборачиваясь у окна, бросил на ходу:

— Не скучай тут, малявка. Главное — не высовывайся наружу.

— Да вы... — Минну обернулся, но Ли Сяохо тоже простыл и след.

Огромный пустой зал погрузился в безмолвие. Сквозь открытые окна и двери гулял холодный ветер. Минну постоял немного в полной растерянности, а затем обречённо вздохнул.

После ухода призрачного тумана леденящая стужа мало-помалу рассеялась, и дышать стало легче.

Взвесив все «за» и «против», Минну решил остаться и дожидаться Сунцзина, а не плутать впотьмах. Он снова подошёл к телу Чжэн Цюйиня и кончиком меча приподнял ткань на второй ноге. На левой голени никаких наростов не было.

Опустившись на корточки, мальчик коснулся запястья покойного и приложил пальцы к шее — ни пульса, ни дыхания, ни тепла.

Казалось, улетевший дух забрал с собой остатки жизни этого несчастного.

Внезапный порыв ветра ворвался в комнату. Минну вздрогнул и покосился на висевшее на стене бронзовое зеркало — его собственное тусклое отражение мгновенно скрылось за взметнувшимся краем белого савана.

Пыль лежала на всём толстым, ровным слоем. Судя по её обилию, в этой комнате не прибирались как минимум месяца два. Осмотревшись, Минну подошёл к книжной полке и снял с неё несколько свитков.

Судя по всему, молодой господин Чжэн при жизни был страстным книголюбом. Минну перевернул несколько страниц и наткнулся на аккуратные, летящие строчки каллиграфии. Почерк был безупречен.

Чистый поток журчит, стремясь в высь Небесных Ключей,

Тело кружится пухом ивы, а сердце уходит в бездну теней.

Оглянешься — и слов не найти; тоскуя в разлуке, ждёшь исполнения мечты.

Стихи, должно быть, принадлежали перу самого юноши. Минну мало что понял в их туманном смысле, но, перечитав строфы несколько раз и осознав, что наизусть такое не запомнит, аккуратно сложил лист и спрятал за пазуху.

Среди записей попадались и рецепты снадобий. В некоторых целебных травах мальчик разбирался неплохо — в прошлой жизни он то и дело ходил в ранах, так что волей-неволей научился различать корни.

Судя по дорогому убранству комнаты, родители покойного души в нём не чаяли. Даже сквозь пыль угадывалась тончайшая работа фарфоровых чашек и изысканность мебели.

Закончив осмотр, Минну прислушался. До его слуха донёсся тихий, протяжный мотив — это старший брат Сунцзин подавал условный сигнал флейтой.

Выйдя на крыльцо, он увидел приближающихся Сунцзина и Цзинь Линсяня. Не обнаружив остальных, старший брат замер. В его глазах промелькнуло нехорошее предчувствие.

— А где все? — спросил он.

Опасаясь взбучки, Минну поёжился и, набравшись смелости, выдавил:

— Молодой господин Чжэн... он мёртв. Его телом завладела нечисть. Те трое... они отправились за ней в погоню.

— Вот оно как, — Сунцзин остался внешне невозмутим. Он-то рассчитывал, что двое благоразумных приглядят за сорвиголовами, а в итоге эти безумцы оставили самого слабого стеречь порог, а сами умчались навстречу опасности. — Они хоть обмолвились, куда держат путь?

— Нет, — покачал головой Минну, силясь вспомнить детали. — Но тёмный туман полетел на северо-запад. Кажется, там, у подножия Горы Колокола и Барабана, стоит старая сторожевая башня.

— И они ушли все вместе?

Минну послушно кивнул.

Сунцзин промолчал, но Минну украдкой покосился на него. Лицо старшего брата по-прежнему не выражало ничего, но мальчик готов был поклясться: в этот самый момент Сунцзин мысленно изобретал для троих строптивцев самое изощрённое наказание.

<http://bllate.org/book/20439/2172481>